

РУССКИЕ В ИНОЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ

В.Н. ГАЛЯПИНА,

Н.М. ЛЕБЕДЕВА

**Роль идентичности
в межэтнических отношениях
русских и осетин
в Республике Северная Осетия – Алания
(межпоколенный анализ)***

В статье исследуются сходства и различия взаимосвязей “своей” и “иной” культурных идентичностей с аккультурационными стратегиями интеграции и ассимиляции у представителей трех поколений русских и осетин в Северной Осетии. У русских “своя” культурная идентичность отрицательно влияет на стратегию ассимиляции, с “иной” (кавказской) идентичностью ситуация зеркально противоположна. У осетин идентичного влияния “своей” и “иной” (русской) культурных идентичностей на аккультурационные ожидания выявлено не было. Однако у старшего и младшего поколений этого этноса “иная” культурная идентичность положительно влияет на аккультурационное ожидание типа “мультикультурализм”.

Ключевые слова: аккультурационная стратегия, аккультурационное ожидание, культурная идентичность, этническое меньшинство и большинство, поколение, мультикультурализм, межгрупповые отношения.

Идентичность и стратегии аккультурации

В Республике Северная Осетия – Алания (PCO – А) межэтнические отношения и стратегии взаимной аккультурации титульного этноса (осетин) и русских как этнического меньшинства – вопрос первостепенной важности. Анализ динамики состава

---

* Исследование осуществлено в 2015 г. в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ) с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Г а л я п и н а Виктория Николаевна – кандидат психологических наук, доцент Департамента психологии Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ), старший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ. Адрес: Волгоградский просп., д. 462, Москва, 109316. E-mail: vgalypina@hse.ru.

Л е б е д е в а Надежда Михайловна – доктор психологических наук, профессор Департамента психологии Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ), заведующая Международной научно-учебной лабораторией социокультурных исследований НИУ ВШЭ. Адрес: Волгоградский просп., д. 462, Москва, 109316. E-mail: nlebedeva@hse.ru.

населения республики свидетельствует о том, что оттуда идет интенсивный отток русского населения. В 1940–1970-е гг. русские в Осетии составляли почти 50%, в 1970–1990-е гг. около 30%, а к 2010 г. – менее 20% [Итоги... 2004; Итоги... 2010; Всесоюзная... 2015]. И хотя статистические данные не позволяют однозначно определить статус русских и осетин в РСО-А как “большинство” или “меньшинство”, в ряде исследований отмечается, что происходит трансформация самосознания тамошних русских, которые начинают осознавать себя именно как этническое меньшинство [Солдатова 1998; Воробьев 2001; Белозеров 2001].

Как показывает опыт, отношение к русским в РСО-А не носит дискриминационного характера. Более того, республика считается наиболее благоприятным местом для проживания русских среди республик Северного Кавказа [Миграция... 2013]. Но ввиду кланового устройства североосетинского общества инкорпорация русских в региональную политическую и бизнес-элиты затруднительна. Иерархическая система неравенства (социальная стратификация) способствует формированию различных слоев общества по этническому признаку. Так, в парламенте республики преобладают депутаты-осетины. Кроме этого, идет отток русской молодежи, ориентированной на поступление в вузы крупных российских городов, поскольку, по данным опроса 2006 г., они не могут оплачивать обучение на престижных факультетах местных вузов [Дзадзиев 2008].

Межэтническая напряженность в РСО-А, связанная с осетино-ингушским конфликтом и большим количеством беженцев из Южной Осетии и Грузии, привела к тому, что и у русских, и у осетин произошла актуализация этнической идентичности. Но у осетин она выражена сильнее и имеет тенденцию к росту. Русские же более склонны отождествлять себя с Российским государством: свыше 50% их считают себя в первую очередь именно российскими гражданами. Они также чаще демонстрируют и республиканскую идентичность [Колосов, О'Локлин 2008; Солдатова 1998; Кобахидзе 2005; Верещанкина 2010; Гуриева 1997; Гуриева 2010].

Исследования стратегий межэтнического взаимодействия показали, что большинство осетин и русских РСО-А выбирают стратегии равностатусного взаимодействия. По данным Е. Кобахидзе, эти этнические группы ориентированы на интеграцию, однако у русских такие стратегии выражены сильнее, что особенно проявляется в деловой сфере [Кобахидзе 2005]. Также русские в отличие от осетин демонстрируют более высокую готовность к кооперации с ними на групповом и личностном уровнях, в большей степени открыты для совместной деятельности. Кроме того, русские позитивно оценивают прошлый опыт межэтнического взаимодействия с представителями титульного этноса [Дробижьева 2003; Гуцунаева 2010; Солдатова 1998].

У осетин по отношению к русским, по данным Д. Гуриевой, существует высокая степень эмоционального принятия, в целом характерен и позитивный гетеростереотип русских. Однако при этом осетины чаще демонстрируют изоляционистские установки; у них доминирует ориентация на моноэтнические браки; они не согласны принять человека другой национальности в качестве непосредственного начальника [Гуриева 1997; Гуриева 2010].

Большинство исследований феномена межэтнического взаимодействия в различных странах показывает, что успешной психологической и социокультурной адаптации представителей этнических меньшинств/мигрантов способствует аккультурационная стратегия интеграции [Berry, Phinney, Sam, Vedder 2006] и даже ассимиляции [Greenman, Xie 2008; Harker 2001; Jasinskaja-Lahti, Horenczyk, Kinunen 2011]. Анализируя факторы, влияющие на выбор аккультурационных стратегий интеграции и ассимиляции, ученые отмечают важную роль, которую играют разные формы идентичности представителей контактирующих этнических групп: социальная, этническая, культурная, религиозная и т.п. (см., например, [Verkuyten, Yildiz 2007; Cara 2010].

На уровне конкретных исследований Дж. Берри и К. Сабатье в своем кросскультурном анализе поведения мигрантов второго поколения в Канаде и Франции установили, что этническая идентичность положительно взаимосвязана с сепарацией и отрицательно – с интеграцией, а национальная (гражданская) идентичность – наоборот [Berry, Sabatie 2010]. К похожим результатам пришли А. Умана-Тейлор и К. Упдеграф, изучая латиноамериканских подростков [Umana-Taylor, Updegraff 2007]. В исследованиях Р. Калин и Д. Берри в 1974 и 1991 гг. в Канаде было установлено, что доминирование гражданской идентичности (Canadian) у канадцев британского и французского происхождения в большей степени связано с принятием мультикультурализма и толерантности, чем в ситуации, когда доминировала этничность (British-Canadian, French-Canadian) или провинциальная, квебекская идентичность (Quebecois) [Berry, Kalin 1995].

Изучение взаимосвязи мультикультурализма и ассимиляции с идентичностями в группах меньшинств и большинства в Голландии также показало, что в группах меньшинства одобрение мультикультурализма взаимосвязано с идентификацией со своей этнической группой и положительной ин-групповой оценкой. Одобрение ассимиляции группой меньшинства совмещается с низкой идентификацией со “своими” и менее позитивной ин-групповой оценкой. У большинства, напротив, высокие показатели мультикультурализма соотносятся с низкой идентификацией со своей этнической группой и позитивной аут-групповой оценкой. Для ассимиляционистской идеологии справедлива обратная тенденция: чем больше представители большинства одобряют ассимиляцию, тем выше этническая идентичность со своей группой и тем негативнее аут-групповая оценка [Verkuyten 2005; Osch van, Breugelmans 2012].

Здесь, однако, важно отметить, что большинство перечисленных и ряд других исследований проводилось преимущественно на подростковых выборках [Verkuyten 2002; Ng Tseung-Wong; Verkuyten 2013; Umana-Taylor, Updegraff 2007]. В единичных случаях выборка охватывала **два поколения** [Kwak, Berry 2001; Verkuyten, Thijs, Stevens 2012; Sabatier 2008]. Это позволило выявить межпоколенные различия во взаимосвязях стратегий аккультурации родителей и детей с их установками на сохранение языка, культуры и эндогенные браки. В целом анализ показал, что исследовались в основном взаимосвязи этнической, национальной и религиозной идентичности с мультикультурной идеологией и стратегиями аккультурации.

Возникает вопрос, насколько справедливы такого рода заключения для представителей **трех поколений** этнического меньшинства и большинства, проживающих в Северной Осетии? Даже беглый анализ социального контекста в этой республике показывает, что достаточно сложно однозначно определить статус осетин и русских в устоявшихся терминах “этническое большинство” – “этническое меньшинство” (см. [Лебедева 2009]). Ибо русские – меньшинство в РСО–А, но большинство в России, а осетины – наоборот. В связи с этим выбор наиболее предпочтительной аккультурационной установки у представителей этих групп может отличаться от выявленных при изучении классических вариантов этнических меньшинств и большинства в других странах и регионах (у меньшинства – на интеграцию или сепарацию, у большинства – на ассимиляцию).

У русских же в РСО–А могут формироваться республиканская и региональная идентичности, которые ориентированы на кавказскую культуру. У осетин – идентификация с русской культурой. Эти комплементарные идентичности так же, как этническая и гражданская идентичности, могут влиять на аккультурационные установки обоих этносов. Вдобавок в течение последних 60 лет (период социализации трех поколений) значительно менялся социальный контекст, определяющий межэтнические отношения в РСО–А, что, возможно, обусловило межпоколенное изменение как социальных идентичностей, так и зависимых от них аккультурационных установок этнических групп.

В этой связи основной исследовательский вопрос нашего исследования¹ мы формулируем так: каковы сходства и различия взаимосвязей социальных идентичностей с аккультурационными стратегиями интеграции и ассимиляции у представителей трех поколений русских и осетин, проживающих в РСО–А?

Русские и осетины: реальные идентификационные взаимосвязи

Для компактного описания социальных идентичностей русских и осетин мы прибегли к сокращению количества переменных, отражающих виды социальной идентичности: этническая, гражданская (российская), религиозная, республиканская и региональная (кавказская). С этой целью был проведен эксплораторный факторный анализ (использовался метод главных компонент, метод вращения Варимакс с нормализацией Кайзера). В ходе анализа пять видов социальной идентичности были объединены в два фактора. У русских в первый фактор – “своя” культурная идентичность (русская) были включены: собственная этничность, гражданская российская и религиозная идентичность. Дисперсия: младшее поколение 59%, среднее поколение 60%, старшее поколение 54%. Второй фактор – “иная” культурная идентичность (кавказская) – охватывал гражданскую республиканскую и региональную кавказскую идентичность. Дисперсия: младшее поколение 20%, среднее поколение 19%, старшее поколение 24%.

У осетин первый фактор – “своя” культурная идентичность (осетинская) – включал собственную этническую идентичность, гражданскую республиканскую идентичность и региональную кавказскую идентичность. Дисперсия: младшее поколение 66%, среднее поколение 68%, старшее поколение 66%. Второй фактор – “иная” культурная идентичность (русская) – гражданскую российскую идентичность и религиозную идентичность. Дисперсия: младшее поколение 17%, среднее поколение 16%, старшее поколение 15%.

Таблица

Гендерные и возрастные характеристики выборки*

Респонденты	Количество	Гендерные характеристики (%)		Возрастные характеристики (%)			
		доля мужчин	доля женщин	минимальная	максимальная	средняя	статистическое отклонение
Русские							
Младшее поколение	109	32	68	15	25	18,5	2,80
Среднее поколение	109	27	73	36	61	44,6	6,31
Старшее поколение	109	25	75	54	91	69,8	8,90
Осетины							
Младшее поколение	106	47	53	15	25	17,6	2,39
Среднее поколение	106	21	79	36	60	43,8	5,92
Старшее поколение	106	20	80	55	87	71,4	7,63

* Для обработки данных использовался статистический пакет SPSS 22.0 с приложением AMOS 22.0. Применявшиеся методы обработки данных: описательные статистики, показатель согласованности шкал, коэффициент α -Кронбаха, эксплораторный факторный анализ, конфирматорный факторный анализ, множественный дисперсионный анализ (MANOVA), путевой анализ.

¹ Исследование было проведено в 2014 г. Выборку составили триады ребенок – родитель – бабушка (или дедушка). Общее количество респондентов, русских и осетин – 645 человек. В таблице представлены параметры выборки.

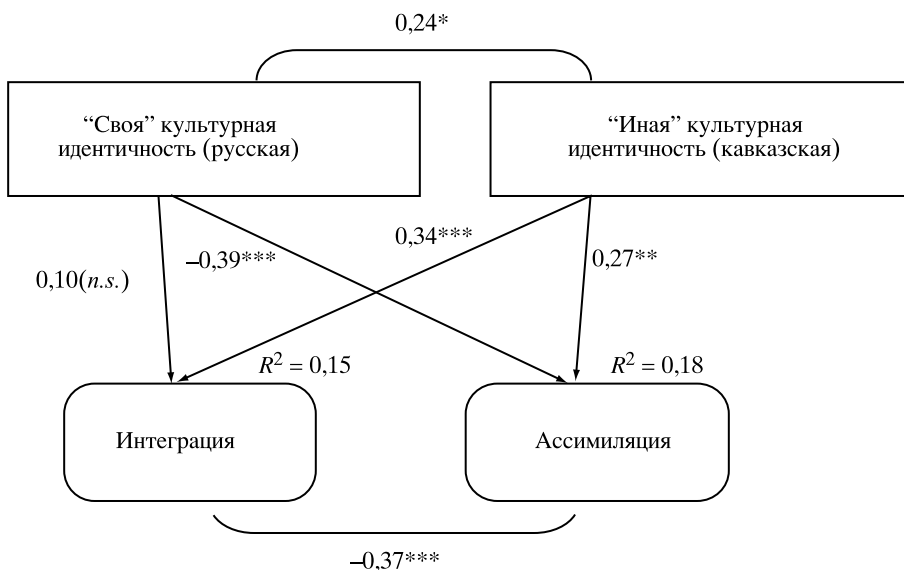

Рис. 1. Модель влияния идентичностей на стратегии аккультурации старшего поколения русских в PCS-A².

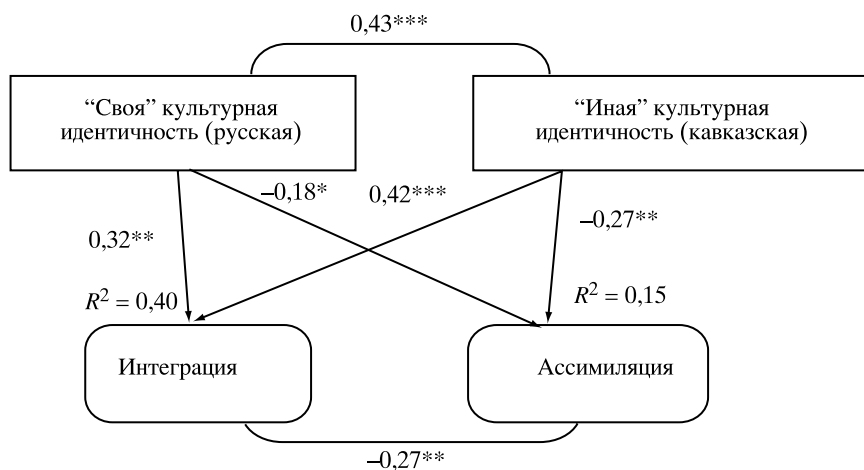

Рис. 2. Модель влияния идентичностей на стратегии аккультурации среднего поколения русских в PCS-A³.

Результаты факторного анализа позволили объединить для осетинской и для русской подвыборок идентичности, отражающие принадлежность к “своей” культуре в одну шкалу, а идентичности, отражающие принадлежность к “иной” культуре – в другую. Тестирование одномерности полученных шкал идентичностей осуществлялось с помощью подтверждающего факторного анализа. Все показатели моделей соответствуют рекомендованным критериям (см. [Hu, Bentler 1999]). Выявление влияния идентичностей на стратегии аккультурации осуществлялось на основе структурного моделирования (SEM).

² Характеристики модели: $\chi^2 = 22,7$; $df = 22$; $p = 0,417$; $\chi^2/df = 1,0$; CFI = 0,998; RMSEA = 0,018; SRMR = 0,024.

³ Характеристики модели: $\chi^2 = 25,0$; $df = 23$; $p = 0,350$; $\chi^2/df = 1,0$; CFI = 0,994; RMSEA = 0,028; SRMR = 0,058.

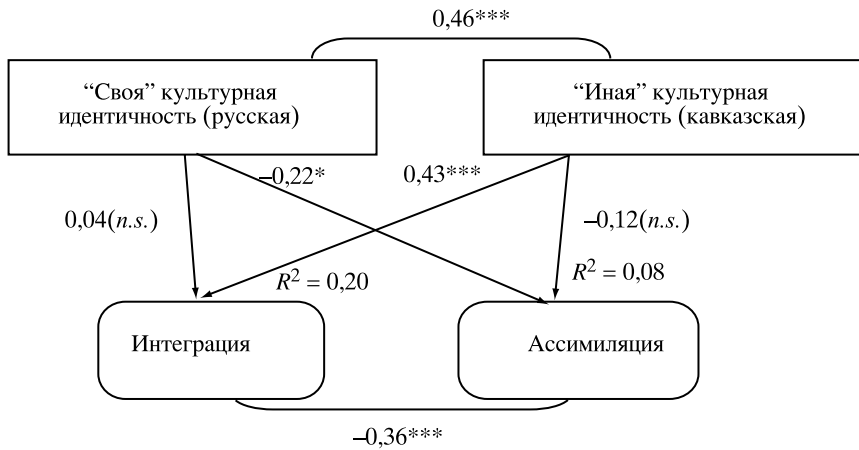

Рис.3. Модель влияния идентичностей на стратегии аккультурации младшего поколения русских в РСО–А⁴.

Результаты, представленные на рисунке 1, показывают, что “своя” идентичность у старшего поколения **русских** отрицательно взаимосвязана со стратегией ассимиляции, то есть чем больше выражена русская идентичность, тем меньше ориентация на ассимиляцию. “Иная” культурная (кавказская) идентичность позитивно взаимосвязана как с интеграцией, так и с ассимиляцией, и можно сказать, что идентификация с кавказской культурой способствует как интеграции, так и ассимиляции. “Своя” и “иная” культурные идентичности имеют позитивную взаимосвязь. Стратегия интеграции отрицательно взаимосвязана со стратегией ассимиляции.

Результаты, отображенные на рисунке 2, позволяют говорить, что у среднего поколения русских “своя” культурная идентичность значимо положительно взаимосвязана со стратегией интеграции и значимо отрицательно – со стратегией ассимиляции. Получается, что чем более выражена русская идентичность, тем больше ориентация на интеграцию и тем меньше ориентация на ассимиляцию. “Иная” (кавказская) идентичность оказывает сходное влияние: она значимо позитивно связана с интеграцией и значимо негативно – с ассимиляцией. “Своя” и “иная” идентичности имеют значимую положительную взаимосвязь. Стратегия интеграции отрицательно взаимосвязана со стратегией ассимиляции.

Приводимые на рисунке 3 данные демонстрируют, что у младшего поколения русских “своя” культурная идентичность отрицательно взаимосвязана со стратегией ассимиляции, то есть чем более выражена русская идентичность, тем меньше ориентация на ассимиляцию. “Иная” (кавказская) идентичность позитивно связана со стратегией интеграции, следовательно, выраженная идентификация с кавказской культурой способствует стратегии интеграции. Характер взаимосвязей “своей” и “иной” идентичности, равно как и стратегий интеграции и ассимиляции, у этого поколения идентичен поколению предыдущему.

Проведенный межгрупповой анализ переменных, вошедших в модель, позволил определить индекс пропорциональности (*proportionality index*) [Lorenzo-Seva1, Berge ten 2006]. Все показатели – выше 0,9, что позволяет говорить о значимости индекса и о возможности сравнения полученных моделей русских – представителей трех поколений. И вот результат сравнения: у трех поколений русских “своя” культурная идентичность отрицательно взаимосвязана со стратегией ассимиляции, а “иная” (кавказская) – положительно со стратегией интеграции. Кроме того, у всех поколений русских “своя” и

⁴ Характеристики модели: $\chi^2 = 33,2$ $df = 23$; $p = 0,078$; $\chi^2/df = 1,5$; CFI = 0,972; RMSEA = 0,064; SRMR = 0,058.

“иная” идентичности положительно взаимосвязаны. Стратегии интеграции и ассимиляции отрицательно взаимосвязаны также у всех поколений. Различия существуют во влиянии “иной” культурной идентичности на ассимиляцию: у старшего поколения оно положительное, у среднего – отрицательное, у младшего – малозначимое. Также у среднего поколения, в отличие от младшего и старшего, выраженность “своей” позитивно влияет на стратегию интеграции (у старшего и младшего – это влияние не значимо).

Рассмотрим результаты исследования влияния “своей” (осетинской) и “иной” (русской) культурной идентичностей у трех поколений **титульного этноса** РСО–А. Результаты, представленные на рисунке 4, свидетельствуют, что у старшего поколения осетин только “иная” культурная идентичность положительно связана с аккультурационным ожиданием “мультикультурализм”. Обе идентичности имеют позитивную взаимосвязь, а аккультурационное ожидание “мультикультурализм” и “плавильный котел” – отрицательную.

0,62***

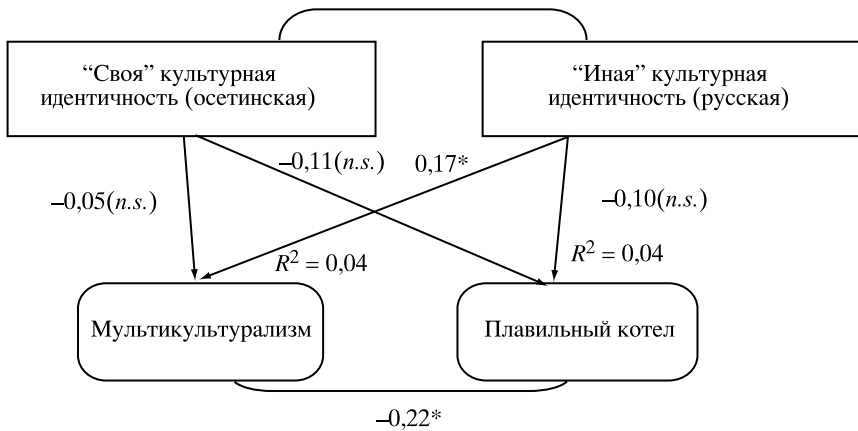

Рис. 4. Модель влияния идентичностей на стратегии аккультурации старшего поколения осетин в РСО–А⁵.

Данные рисунка 5 показывают, что у среднего поколения осетин “своя” культурная идентичность положительно взаимосвязана с аккультурационным ожиданием “мультикультурализм” и отрицательно – с аккультурационным ожиданием “плавильный котел”. То есть чем более выражена осетинская идентичность, тем больше у осетин среднего поколения ориентация на интеграцию русских и тем меньше ориентация на их ассимиляцию. “Иная” (русская) идентичность значимо не влияет на аккультурационные ожидания осетин среднего поколения. Взаимосвязь обеих идентичностей положительна, а аккультурационных ожиданий – отрицательна.

Наконец, рисунок 6 демонстрирует, что у младшего поколения осетин “своя” культурная идентичность положительно взаимосвязана с аккультурационным ожиданием “мультикультурализм”: чем больше осетинская молодежь идентифицирует себя со своей культурой, тем больше у нее ориентация на интеграцию русских. “Иная” культурная идентичность позитивно влияет и на аккультурационные ожидания указанных типов. Можно сказать, что чем больше идентификация у молодых осетин с русской культурой, тем больше они ориентированы на интеграцию и ассимиляцию русских в Северной Осетии. “Своя” и “иная” культурные идентичности имеют положительную взаимосвязь; а аккультурационные ожидания (“мультикультурализм” и “плавильный котел”) – отрицательную.

⁵ Характеристики модели: $\chi^2 = 33,3$; $df = 21$; $p = 0,043$; $\chi^2/df = 1,1$; CFI = 0,959; RMSEA = 0,075; SRMR = 0,070.

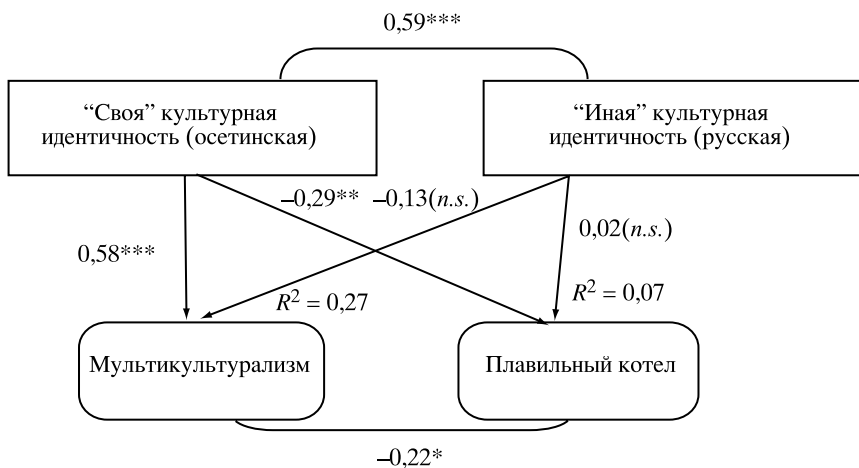

Рис. 5. Модель влияния идентичностей на стратегии аккультурации среднего поколения осетин в РСО-А⁶.

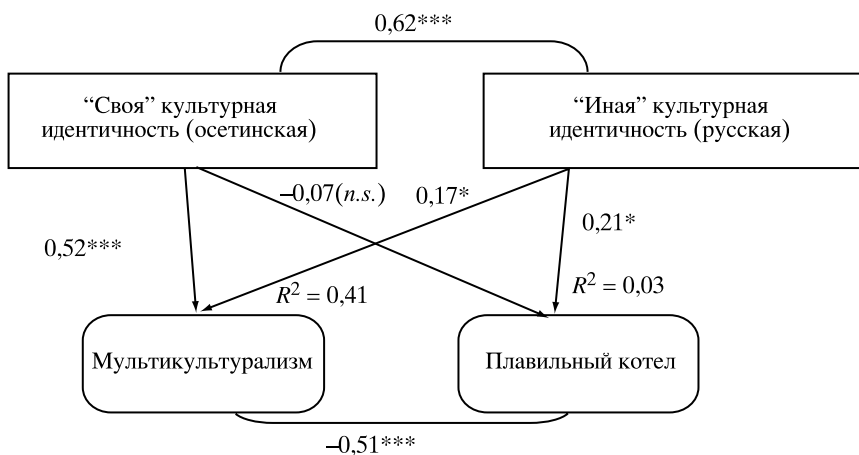

Рис. 6. Модель влияния идентичностей на стратегии аккультурации младшего поколения осетин в РСО-А⁷.

Проведенный межгрупповой анализ вошедших в модель переменных позволил, как и в случае с русскими, определить значимость индекса пропорциональности – выше 0,9 – и сравнивать полученные модели по трем поколениям. У всех осетинская и русская культурные идентичности взаимосвязаны значимо позитивно, а аккультурационные ожидания – значимо отрицательно. Причем у старшего и младшего поколения осетин “иная” (русская) идентичность положительно влияет на аккультурационное ожидание “мультикультурализм” (у среднего поколения влияние незначимо). У младшего поколения эта же идентичность позитивно влияет на аккультурационное ожидание “плавильный котел”. У среднего и младшего поколений “своя” идентичность позитивно влияет на аккультурационное ожидание “мультикультурализм” (у старшего поколения это влияние незначимо). Кроме того, у среднего поколения осетин “своя” идентичность значимо отрицательно влияет на аккультурационное ожидание “плавильный котел”,

⁶ Характеристики модели: $\chi^2 = 35,4$; $df = 21$; $p = 0,025$; $\chi^2/df = 1,7$; CFI = 0,963; RMSEA = 0,080; SRMR = 0,064.

⁷ Характеристики модели: $\chi^2 = 40,2$; $df = 22$; $p = 0,01$; $\chi^2/df = 1,8$; CFI = 0,949; RMSEA = 0,08; SRMR = 0,07.

то есть выраженная осетинская идентичность не способствует ориентации на ассимиляцию русских. Это отличает данную позицию от позиции старшего и младшего поколений. Таким образом, у старшего поколения осетин на выбор аккультурационных ожиданий оказывает влияние “иная” (русская) культурная идентичность, у среднего поколения – “своя” (осетинская), а у младшего – и “своя”, и “иная”.

Взаимная ориентация на интеграцию в поликультурном социуме

Анализ влияния идентичностей на стратегии аккультурации русских в РСО–А позволяет заключить, что у всех изученных поколений выраженная “своя” культурная идентичность препятствует их ассимиляции, а “иная” (кавказская) – напротив, способствует выбору стратегии интеграции. Полученные нами данные в чем-то отличны от результатов исследования взаимоотношений меньшинства и большинства, например в Нидерландах [*Verkuyten* 2005; *Osch van, Breugelmanns* 2012]. Модель взаимосвязей идентичностей с аккультурационными стратегиями русских не соответствует полностью “голландскому” варианту поведения меньшинств. Имея сходство с последним (отрицательная связь этнической идентичности с ассимиляцией), она тяготеет к модели поведения большинства (позитивная аут-групповая оценка положительно коррелирована с мультикультурализмом).

Одновременно наши результаты согласуются с данными, полученными Д. Берри и К. Сабатье в исследовании мигрантов четырех этнических групп в Канаде (греки, гаитяне, итальянцы, вьетнамцы) и пяти этнических групп во Франции (алжирцы, выходцы с Антильских островов, марокканцы, португальцы, вьетнамцы). Там была выявлена позитивная связь идентичности с принимающим обществом (национальной идентичности) с аккультурационной стратегией “интеграция” [*Berry, Sabatier* 2010].

Возвращаясь к русским в Северной Осетии, отметим, что только у старшего поколения “иная” (кавказская) идентичность позитивно влияет не только на интеграцию, но и на ассимиляцию. У среднего поколения это влияние отрицательно. Также у него, в отличие от младшего и старшего поколений, этническая идентичность позитивно воздействует на стратегию интеграции. Модель связей идентичностей со стратегиями аккультурации среднего поколения русских, социализация которого проходила в период перестройки, распада СССР, формирования сепаратистских настроений в РСО–А, возможно, отражает некий поиск разных идентичностей, которые могли бы выступать в качестве их определенной внутренней психологической защиты на Северном Кавказе, способной помочь эффективно адаптироваться в сложившейся ситуации.

В свою очередь, исследование влияния идентичностей осетин на их аккультурационные ожидания в отношении русских показывает, что у старшего и младшего поколений титульного этноса идентификация с русской культурой позитивно влияет на выбор ожидания “мультикультурализм”. У представителей младшего поколения эта же идентичность позитивно влияет на выбор аккультурационного ожидания “плавильный котел”. У среднего и младшего поколений “своя” идентичность способствует выбору аккультурационного ожидания “мультикультурализм”.

У среднего поколения осетин, в отличие от старшего и младшего, выявлено отрицательное влияние “своей” идентичности на аккультурационное ожидание “плавильный котел”. Можно предположить, что здесь проявляется стремление к позитивным отличиям своей группы и сохранению стабильности этнических границ, которые способствуют психологическому благополучию. Ведь общеизвестно, что этническое большинство часто прибегает к жесткому сохранению групповой границы (см. [*Brewer* 2010; *Brown* 2004; *Crisp, Hewstone, Rubin* 2001]), хотя есть и примеры такого же поддержания границ своей группы у представителей меньшинства [*Стефаненко* 2014]. Возможна еще одна причина: по данным опроса двух тысяч респондентов

в пяти регионах Северного Кавказа (Ставропольский край, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Дагестан), осетины испытывают гордость за принадлежность своему народу". Отсюда и проистекает их нежелание "размывать границы собственного этноса" [Колосов, О'Локлин 2008, с. 98].

Также важно отметить, что осязаемое влияние на выбор аккультурационных ожиданий осетин среднего поколения в отношении русских оказывает только "своя" идентичность, это – следствие активизации этнонациональных процессов у титульного населения республики, что обусловило значимость именно "своей" культурной идентичности в формировании межгрупповых установок. Полученные результаты влияния идентичностей на аккультурационные ожидания трех поколений осетин позволяют говорить скорее не о взаимодействии меньшинства и большинства, а о межкультурном взаимодействии двух этнических групп, имеющих близкое статусное положение в республике.

У русских в трех поколениях "своя" идентичность отрицательно влияет на стратегию ассимиляции, а "кавказская" – положительно на стратегию интеграции. Существуют межпоколенные различия во влиянии "иной" (кавказской) идентичности на стратегию ассимиляции: у старшего поколения оно положительное, у среднего – отрицательное. И только у среднего поколения русских "своя" культурная идентичность позитивно воздействует на стратегию интеграции.

У осетин старшего и младшего поколений взаимосвязь "иной" (русской) культурной идентичности и аккультурационного ожидания "мультикультурализм" положительна. Причем у младшего поколения (в отличие от старшего и среднего) эта идентичность также позитивно связана с аккультурационным ожиданием "плавильный котел". Что же касается "своей" идентичности, то у среднего и младшего поколений она положительно влияет на ожидание "мультикультурализм", причем у первого из них обнаруживается и отрицательное влияние на аккультурационное ожидание "плавильный котел".

У русских негативное влияние "своей" культурной идентичности на стратегию ассимиляции и позитивное воздействие "иной" на стратегию интеграции сохраняется у всех трех поколений. Это может свидетельствовать об устойчивости и универсальности данных связей для всех поколений и возможной их трансмиссии. У осетин влияния "своей" и "иной" культурных идентичностей на аккультурационные ожидания, совпадающего у всех трех поколений, не выявлено. Возможно, для них данные связи менее устойчивы и в большей степени зависят от социального контекста.

Для старшего поколения русских и осетин значимую роль играет "иная" культурная идентичность, позитивно влияющая на взаимную интеграцию. Что касается среднего поколения, на социализацию которого, как уже было сказано, в большей степени оказали воздействие политические изменения недавнего прошлого (перестройка, распад СССР, усиление этнонациональных процессов в республиках Северного Кавказа), то для осетин указанные факторы усилили значимость "своей" культурной идентичности в выборе аккультурационных ожиданий в отношении русских. Для последних же они стимулировали поиск идентичностей, которые способствовали бы эффективной адаптации в сложившихся условиях. Что касается младшего поколения, то между молодыми русскими и осетинами нет значимых расхождений во взаимных аккультурационных установках: и у тех, и у других на их выбор влияет как раз "иная" культурная идентичность.

Все это говорит о том, что модели поведения всех трех поколений русских и осетин в Северной Осетии не укладываются однозначно в классическую схему отношений меньшинства и большинства. Скорее, выявленные нами модели отражают взаимодействие ориентированных на интеграцию этнических групп в поликультурном обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белозеров В.С. (2001) Русские на Кавказе: эволюция расселения // Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI в. Сб. науч. статей. Ростов-н/Д.: СКНЦ ВШ.
- Верещагина М.В. (2010) Этническая идентичность и этническая толерантность русских и осетинских студентов. Автореф. дисс... к.п.н. СПб.: Изд-во "ЛЕМА".
- Воробьев С.М. (2001) Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период. Дисс... к.п.н. Ставрополь: РГБ ОД.
- Всесоюзная перепись населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Национальный состав населения по регионам России (2015) // Demoscope Weekly. 2015. No. 651–652 (http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=50).
- Гуриева С.Д. (1997) Этносоциальная установка в межнациональных отношениях. Автореф. дисс... к.п.н. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Гуриева С.Д. (2010) Психология межэтнических отношений. СПб.: ВВМ.
- Гуцунаева С.В. (2010) Стратегии межэтнического взаимодействия осетин и русских, проживающих в республике Северная Осетия – Алания. Автореф. дисс... к.п.н. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Дзадзиев А.Б. (2008) Русское население республик Северного Кавказа: факторы вынужденной миграции Северный Кавказ: профилактика конфликтов. М.: Ид-во И-та этнол. и антропол. РАН.
- Дробужева Л.М. (2003) Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. (2004) Т. 4. Кн. 1. М.: ИИЦ "Статистика России".
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В 11 т. Т. 11. Сводные итоги всероссийской переписи населения (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol11pdf-m.html).
- Кобахидзе Е.И. (2005) Интеграционные и дезинтеграционные процессы в межэтническом взаимодействии на Северном Кавказе (на примере РСО-А и КБР) // Социс. № 2. С. 66–74.
- Колосов В.А., О'Локлин Д. (2008) Социально-территориальная динамика и этнические отношения на Северном Кавказе (http://www.civisbook.ru/files/File/Kolosov_2008_4.pdf).
- Лебедева Н.М. (2009) Теоретические подходы к исследованию взаимных установок и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. Сборник научных статей. М.: РУДН. С. 10–63.
- Миграция русских: причины оттока с Северного Кавказа. Описание проблемы, актуальная ситуация (1950–2013) (2013) (Users/Ace/Downloads/migratsiyarusskihdoklad.pdf).
- Солдатова Г.У. (1998) Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл.
- Стефаненко Т.Г. (2014) Этнопсихология. М.: Аспект пресс.
- Berry J.W., Kalin R. (1995) Multicultural and ethnic attitudes in Canada: an overview of the 1991 National Survey // Canadian Journal of Behavioral Science. Vol. 27. Pp. 301–320.
- Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. (2006) Immigrant youth: acculturation, identity, and adaptation // Applied Psychology. No. 3. Pp. 303–320.
- Berry J.W., Sabatier C. (2010) Acculturation, discrimination, and adaptation among second generation immigrant youth in Montreal and Paris // International Journal of Intercultural Relations. Vol. 34. Pp. 191–207.
- Brewer M.B. (2010) Intergroup Relations // Baumeister R.F., Finkel E.J. Advanced Social Psychology: the State of the Science. Oxford: Oxford Univ. Press. Pp. 535–571.
- Brown R. (2004) Prejudice. Its Social Psychology. Malden: Wiley-Blackwell.
- Cara O. (2010) Acculturation Strategies and Ethno-national Identification – a Study of Adolescents in Russian-language Schools in Riga (<http://discovery.ucl.ac.uk/1382590/1/FinalVersionPhD-Jan2013forPDF.pdf>).
- Crisp R.J., Hewstone M., Rubin M. (2001) Does Multiple Categorization Reduce Intergroup Bias? // Personality and Social Psychology Bulletin. Vol. 27. Pp. 76–89.
- Greenman E., Xie Y. (2008) Is Assimilation Theory Dead? The Effect of Assimilation on Adolescent Well-being // Social Science Research. Vol. 37. Pp. 100–137.
- Harker K. (2001) Immigrant Generation, Assimilation and Adolescent Psychological Well-being // Social Forces. No. 3. Pp. 969–1004.
- Hu L.T., Bentler P.M. (1999) Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria versus New Alternatives // Structural Equation Modeling. No. 1. Pp. 1–55.
- Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. (2011) Time and Context in the Relationship between Acculturation Attitudes and Adaptation among Russian-speaking Immigrants in Finland and Israel // Journal of Ethnic and Migration Studies November. No. 9. Pp. 1423–1440.

Kwak K., Berry J.W. (2001) Generational Differences in Acculturation Among Asian families in Canada: a Comparison of Vietnamese, Korean, and East-Indian Groups // *International Journal of Psychology*. No. 3. Pp. 152–162.

Lorenzo-Seva U., Berge J.M.F. ten (2006) Tucker's Congruence Coefficient as a Meaningful Index of Factor Similarity // *Methodology*. No. 2. Pp. 57–64.

Ng Tseung C., Verkuyten M. (2013) Religious and National Group Identification in Adolescence: a Study Among Three Religious Groups in Mauritius // *International Journal of Psychology*. Vol. 48. Pp. 846–857.

Osch Y.M.J. van, Breugelmans S.M. (2012) Perceived Intergroup Difference as an Organizing Principle of Intercultural Attitudes and Acculturation Attitudes // *Journal of Cross-cultural Psychology*. No. 5. Pp. 801–821.

Sabatier C. (2008) Ethnic and National Identity Among Second Generation Immigrant Adolescents in France: the Role of Social Context and Family // *Journal of Adolescence*. No. 2. Pp. 185–205.

Umaña-Taylor A.J., Updegraff K. (2007) Latino Adolescents' Mental Health: Exploring the Role of Discrimination, Ethnic Identity, Acculturation, and Self-esteem // *Journal of Adolescence*. Vol. 30. Pp. 549–567.

Verkuyten M. (2005) Ethnic Group Identification and Group Evaluation Among Minority and Majority Groups: Testing the Multiculturalism Hypothesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. No. 1. Pp. 121–138.

Verkuyten M. (2002) Ethnic Attitudes among Minority and Majority Children: the Role of Ethnic Identification, Peer Group Victimization and Parents. *Social Development*. Vol. 11. Pp. 558–570.

Verkuyten M. (2007) Religious Group Identification and Inter-religious Relations: a Study among Turkish-Dutch Muslims // *Group Processes and Intergroup Relations*. Vol. 10. Pp. 341–357.

Verkuyten M., Yildiz A.A. (2007) National (Dis)identification, and Ethnic and Religious Identity: a Study Among Turkish-Dutch Muslims // *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 33. Pp. 1448–1462.

Verkuyten M., Thijs J., Stevens G. (2012) Multiple Identities and Religious Transmission: a Study among Moroccan-Dutch Muslim Adolescents and Their Parents // *Child Development*. Vol. 83. Pp. 1471–1476.

The Role of Identity in Interethnic Relations of Russians and Ossetians in the Republic of North Ossetia – Alania (Intergenerational Analysis)

V. GALYAPINA*,
N. LEBEDEVA**

* *Galyapina Victoria* – candidate of sciences (Psychology), associate professor of Psychology Department, The National Research University “Higher School of Economics”, senior researcher in International Laboratory for Socio-cultural Research. Address: 46b, Voigogradsky av., Moscow, 109316, Russian Federation. E-mail: vg-alyapina@hse.ru.

** *Lebedeva Nadezhda* – doctor of sciences (Psychology), professor of Psychology Department, The National Research University “Higher School of Economics”, head of International Laboratory for Socio-cultural Research. Address: 46b, Volgogradsky av., Moscow, 109316, Russian Federation. E-mail: nlebedeva@hse.ru.

Abstract

The article examines the similarities and differences in the relationship of “own” and “other” cultural identities with integration and assimilation acculturation strategies of three generations of the Russians and Ossetians in North Ossetia. In case of the Russians “own” cultural identity negatively affects the strategy of assimilation. As for the “other” (Caucasian) identity the situation is just the opposite. Ossetians have an identical effect of “own” and “other” (Russian) cultural identities on acculturation expectations. However, in both ethnic groups “own” cultural identity promotes maintenance of “own” culture, and “other” cultural identity helps to adopt successfully in multicultural society.

Keywords: acculturation strategy, acculturation expectation, cultural identity, ethnic minority, ethnic majority, generation, multiculturalism, intergroup relations.

REFERENCES

- Belozеров V.S. (2001) Russkiye na Kavkaze: evolyutsiya rasseleniya [Russians in the Caucasus: evolution of settlement]. In: Chernous V.V. *Russkiye na Severnom Kavkaze: vyzovy XXI v. Sbornik nauchnykh statey* [Russians in the North Caucasus: the challenges of the XXI century, the Collection of scientific articles]. Rostov-n/D.: SKNC VSH.
- Berry J.W., Kalin R. (1995) Multicultural and Ethnic Attitudes in Canada: an Overview of the 1991 National Survey. *Canadian Journal of Behavioral Science*, vol. 27, pp. 301–320.
- Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. (2006). Immigrant Youth: Acculturation, Identity and Adaptation. *Applied Psychology*, no. 3, pp. 303–320.
- Berry J.W., Sabatier C. (2010) Acculturation, Discrimination and Adaptation among Second Generation Immigrant Youth in Montreal and Paris. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 34, pp. 191–207.
- Brewer M.B. (2010) Intergroup Relations. In: Baumeister R.F., Finkel E.J. *Advanced Social Psychology: the State of the Science*. Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 535–571.
- Brown R. (2004) *Prejudice. Its Social Psychology*. Malden: Wiley-Blackwell.
- Cara O. (2010) *Acculturation Strategies and Ethno-national Identification – a Study of Adolescents in Russian-language Schools in Riga* (<http://discovery.ucl.ac.uk/1382590/1/FinalVersionPhDJan2013forPDF.pdf>).
- Crisp R.J., Hewstone M., Rubin M. (2001) Does Multiple Categorization Reduce Intergroup Bias? *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 27, pp. 76–89.
- Drobizheva L.M. (2003) *Sotsial'nyye problemy mezhnatsional'nykh otnosheniy v postsovetsoy Rossii* [Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia]. Moscow: Centr obshchechelovecheskikh cennostey.
- Dzadziev A.B. (2008) *Russkoye naseleniye respublik Severnogo Kavkaza: faktory vynuzhdennoy migratsii Severnyy Kavkaz: profilaktika konfliktov* [Russian population of the North Caucasus republics: factors of forced migration North Caucasus: the prevention of conflicts]. Moscow: In-ethnol. i anthropol. RAN.
- Gurieva S.D. (1997) *Etnosotsial'naya ustanovka v mezhnatsional'nykh otnosheniyakh* [Ethnosocial setting in international relations]. Authoref. diss... c.p.s. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta.
- Gurieva S.D. (2010). *Psikhologiya mezhetnicheskikh otnosheniy* [Psychology of interethnic relations]. St. Petersburg: VVM.
- Gutsunaeva S.V. (2010) *Strategii mezhetnicheskogo vzaimodeystviya osetin i russkikh, prozhivayushchikh v respublike Severnaya Osetiya – Alaniya* [Strategy of interethnic interaction and Russian Ossetians living in the republic of North Ossetia – Alania]. Authoref. diss... c.p.s. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta.
- Greenman E., Xie Y. (2008) Is Assimilation Theory Dead? The Effect of Assimilation on Adolescent Well-being. *Social Science Research*, vol. 37, pp. 100–137.
- Harker K. (2001) Immigrant Generation, Assimilation and Adolescent Psychological Well-being. *Social Forces*, no. 3, pp. 969–1004.
- Hu L.T., Bentler P.M. (1999) Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria Versus New Alternatives. *Structural Equation Modeling*, no. 1, pp. 1–55.
- Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 g. (2004) [The results of the National Population Census of 2002]. Vol. 4. Book 1. Moscow: IPC “Statistics of Russia”.
- Itogi vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g. V. 11 t. (2012) T. 11. Svodnyye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g. [The results of the National Population Census of 2010. 11 Volumes. Vol. 11. Summary results of the national census in 2010] (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol11pdf-m.html).
- Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. (2011) Time and Context in the Relationship between Acculturation Attitudes and Adaptation among Russian-speaking Immigrants in Finland and Israel. *Journal of Ethnic and Migration Studies* November, no. 9, pp. 1423–1440.
- Kobakhidze E.I. (2005) Integratsionnye i dezintegratsionnye protsessy v mezhetnicheskom vzaimodeystvii na Severnom Kavkaze (na primere RSO – A i KBR) [Integration and disintegration processes in interethnic relations in the North Caucasus (the example of North Ossetia and the CBD)]. *Socis*, no. 2, pp. 66–74.

Kolosov V.A., O'Loughlin J. *Sotsial'no-territorial'naya dinamika i etnicheskiye otnosheniya na Severnom Kavkaze* [Socio-territorial Dynamics and Ethnic Relations in the North Caucasus] (http://www.civisbook.ru/files/File/Kolosov_2008_4.pdf).

Kwak K., Berry J.W. (2001) Generational Differences in Acculturation Among Asian families in Canada: a Comparison of Vietnamese, Korean, and East-Indian Groups. *International Journal of Psychology*, no. 3, pp. 152–162.

Lorenzo-Seva U., Berge J.M.F. ten (2006) Tucker's Congruence Coefficient as a Meaningful Index of Factor Similarity. *Methodology*, no. 2, pp. 57–64.

Lebedeva N.M. (2009) Teoreticheskie podkhody k issledovaniyu vzaimnykh ustanovok i strategiy mezhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i naseleniya Rossii [Theoretical approaches to the study of the mutual attitudes and strategies of intercultural interaction of migrants and the population of Russia]. In: *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i naseleniya Rossii: Sb. nauch. tatey* [Strategy intercultural migrants and the population of Russia: Collection of scientific articles]. Moscow: RUDN, pp. 10–63.

Ng Tseung C., Verkuyten M. (2013) Religious and National Group Identification in Adolescence: a Study Among Three Religious Groups in Mauritius. *International Journal of Psychology*, vol. 48, pp. 846–857.

Osch Y.M.J. van, Breugelmans S.M. (2012) Perceived Intergroup Difference as an Organizing Principle of Intercultural Attitudes and Acculturation Attitudes. *Journal of Cross-cultural Psychology*, no. 5, pp. 801–821.

Sabatier C. (2008) Ethnic and National Identity Among Second Generation Immigrant Adolescents in France: the Role of Social Context and Family. *Journal of Adolescence*, no. 2, pp. 185–205.

Soldatova G.U. (1998) *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology ethnic tensions]. M.: Smysl.

Stefanenko T.G. (2014) *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Aspect Press.

Umaña-Taylor A.J., Updegraff K. (2007) Latino Adolescents' Mental Health: Exploring the Role of Discrimination, Ethnic Identity, Acculturation and Self-esteem. *Journal of Adolescence*, vol. 30, pp. 549–567.

Vereshchagina M.V. (2010) *Etnicheskaya identichnost' i etnicheskaya tolerantnost' russkikh i osetinskikh studentov* [Ethnic identity and ethnic tolerance Russian and Ossetian students]. Authoref. diss... c.p.s. St. Petersburg: LEMA.

Verkuyten M. (2005) Ethnic Group Identification and Group Evaluation Among Minority and Majority Groups: Testing the Multiculturalism Hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 1, pp. 121–138.

Verkuyten M. (2002) Ethnic Attitudes Among Minority and Majority Children: the Role of Ethnic Identification, Peer Group Victimization and Parents. *Social Development*, vol. 11, pp. 558–570.

Verkuyten M. (2007) Religious Group Identification and Inter-religious Relations: a Study among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes and Intergroup Relations*, vol. 10, pp. 341–357.

Verkuyten M., Yildiz A.A. (2007) National (Dis)identification, and Ethnic and Religious Identity: Study Among Turkish-Dutch Muslims. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 33, pp. 1448–1462.

Verkuyten M., Thijs J., Stevens G. (2012) Multiple Identities and Religious Transmission: a Study among Moroccan-Dutch Muslim Adolescents and Their Parents. *Child Development*, vol. 83, pp. 1471–1476.

Vorobyov S.M. (2001) *Etnopoliticheskiye protsessy na Severnom Kavkaze v postsovetский period* [Ethnopolitical processes in the North Caucasus in the post-Soviet period]. Diss... c.p.s. Stavropol: RGB OD.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 gg. Natsional'nyy sostav naseleniya po regionam Rossii (2015) [All Union Population Census of 1939, 1959, 1970, 1979, 1989. National composition of the population in the Russian regions]. *Demoscope Weekly*, no. 651–652 (http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=50).